

Кагами влюбляется в пустыню, пусть и не сразу. Обманчивые барханы манят своей необычностью, иллюзией легкости. Привычному к буйству зелени парню непривычно на глаз определять расстояния, да и опасно. Барханы похожи, как близнецы, даже шаринган не поможет, выручают только звезды, да солнце. Впрочем, днем мало кто осмеливается ходить под палящими лучами, даже им, Учиха, шиноби с огнем в крови, это не безопасно. Впрочем, отсидеться до ночи удастся далеко не всегда. Призыв Сумико-сама выручает всех, но и им нужен отдых, а девушке восполнять чакру. Совсем без людских отрядов не обойтись, поэтому минимум раз в сутки, они выходят в дорогу.

— Сэнсэй, что это? — Кагами растерянно смотрит вдаль. Воздух дрожит от жары, но ему интересно не это. Вдалеке видны силуэты деревьев и странных конструкций, но он точно помнил, что в прошлый раз ничего такого не видел.

— Это мираж, Кагами, — в голосе наставницы звучит улыбка. — Одна из причин, почему так сложно работать с сознаниями детей пустыни. Они привыкли не верить глазам.

— Мираж? — сознание послушно фиксирует все, но об остальном он спросит позже, а пока его интересует кое-что вполне очевидное. — Что это?

— Никто не знает точно, — Сумико-сама говорит прямо, нисколько не смущаясь говорить о своем неведении. — Местные считают, что пустыня живая и иногда показывает то, какой была раньше. Кто-то говорит, что это тени прошлого, отголоски неуспокоенных душ, которые погребены жестокой пустыней, так и не уйдя на перерождение. Ученые мужи, которые любят находиться возле дайма, вещают об обмане зрения. Кому верить решать тебе, а может ты найдешь свою гипотезу, которую признают верной другие, — теплая улыбка. — Все в твоих руках, а пока активируй додзюцу.

— Зачем? — Кагами с трудом отвлекается от созерцания далеких зданий, прекрасных садов.

— Так ты больше воспринимаешь информации, — лукавый прищур выдает веселье, а парень только сейчас замечает, что отряд уже перестроился, готовясь к бою. — Я вот заметила, что такие миражи возникают там, где кочуют племена пустыни, поэтому заканчиваем демагогию и готовимся к разведке. Пойдешь с Менгиро-саном.

— Сумико-сама! — в голосе шиноби звучит отголосок паники.

— Я все сказала, — жестко звучит в ответ. — Проверишь моего ученика, после скажешь свои мысли.

— Слушаюсь, — мужчина недоволен, но послушно склоняет голову. Кагами ощущает его внутреннее противостояние, да и сам не горит желанием идти в одной связке с человеком, которому мешает исполнять обязательства наложенные Изуной-сама. Впрочем, тут он ничего не решает, командир отряда — Сумико-сама, и она посчитала, что им будет легче всего разведать обстановку. В любое другое время, он бы порадовался этому, но сейчас... сейчас чувствовал откровенное опасение. Менгиро-сан будет для него жестким экзаменатором, он уже сейчас ощущает незримое давление, имеющееся только в его воображении.

Песок бесшумно ложится под ноги, двигаться приходится низко пригнувшись к пышущей жаром поверхности. Создавать иллюзии тяжело, приходится осторожничать, ведь Сумико-сама не зря указала на плохую восприимчивость к ним у пустынников. Это действительно так. Оптические иллюзии они распознают легче других, обращая внимание на большее количество деталей, но он Учиха. Умение создавать гендзюцу у него в крови.

Пот застилает глаза, ткать тонкое кружево иллюзий, учитывая множество переменных, нелегко. Усугубляет положение и то, что Кагами приходится растягивать ее еще на одного человека, подстраиваться под его движения. Ошибки недопустимы. Все должно смотреться реалистично. Это не шиноби скользят по песку, а два сцепившихся куста перекаати-поле несутся подгоняемые ветром. И пусть это плохая маскировка, но выбора не было. Кагами не знал животных, которые бы в самый полдень гуляли по солнцепеку. На это способен лишь человек.

Парнишка настолько закичивается на поддержании своей иллюзии, что останавливается лишь тогда, когда Менгиро-сан хватается его за плечо. Удержать контроль над иллюзией сложно, но возможно. И только сделав это, Кагами позволяет себе обратить внимание, почему старший товарищ его придержал. Внимательно окидывая взглядом пространство.

Сумико-сама была права. Не то чтобы он сомневался, но все же... увидеть небольшой палаточный лагерь, частично вросший в песок, было неожиданностью. Менгиро-сан остановил его вовремя. Уже достаточно опытный взгляд выхватил пару неправильностей в песке. Еще два-три шага и они бы попали в песчаную ловушку, созданную силой кого-то из Собаку. Сейчас же они находятся на идеальном расстоянии и не должны привлечь внимания. Хотя... сенсор мог бы их засечь, если бы сам не находился в лагере. Использовать сенсорику постоянно, когда рядом активные пользователи чакры, достаточно неприятно.

— Возвращаемся, — голос Менгиро-сана легко можно спутать с шелестом песка.

Кагами кидает последний взгляд на чужую стоянку и послушно делает шаг назад, его роль еще не закончена. Ему требуется провести их назад незамеченными, что удастся с превеликим трудом. Слишком много пьет сил настолько тонкая иллюзия. Парнишке не достаёт опыта, зато упрямства ему не занимать. Кагами не жалуется, но последние метры до спрятавшегося в укрытии отряда, преодолевает на голом упрямстве. Он настолько сосредоточен на своей цели, что нет сил рассматривать особенности чужой иллюзии, мастерски наложенной на небольшую территорию. Он лишь краем сознания подмечает, что это работа не его наставницы. Теряя сознание сразу же, как переступает черту.

Сознание к Кагами возвращается неохотно, толчками. Первым он начинает ощущать прохладную ткань закрывающую глаза. Вторым возвращается обоняние. Ноздри щекошет запах трав. Последним восстанавливается слух, сразу становится возможно разобрать слова негромкого разговора, обсуждение возможных ходов песчанников. Спор явно идет давно, чужие голоса звучат вяло. Парень невольно делает вывод, что провалялся он достаточно времени, на это же намекает почти полный резерв.

— Очнулся? — подсохшую тряпку убирают у него с лица.

— Да, Сумико-сэнсэй, — Кагами нехотя открывает слипшиеся глаза, аккуратно промаргиваясь и подымаясь. — Я...

— Умойся, — небольшая фляжка падет ему на колени, рядом небольшой квадрат грубой ткани.
— И нет, ты ничего не пропустил, до ночи еще есть время. Раньше атаковать нет смысла.

— Мы не будем ждать подкрепления? — не то, чтобы он удивлен, но уточнить все же следовало.

— Нет, справимся своими силами, песчаников не так много, — наставница подтверждает его мысли. — Тебе же стоит вспомнить все, чему ты научился у моего призыва. Сэнсэй тоже будет тут.

— Хай! — последняя фраза заставляет Кагами поежиться, слишком хорошо он помнил того кота, что Сумико-сама называет сэнсэем. Этот почтенный неко не стал его обучать лично, но присутствовал на каждой тренировке, изредка вмешиваясь, давая советы. Не только ему, но и контролирующей его Кииро.

Похоже, это будет его испытание. Только... у одних ли неко?

Конец светового дня в пустыне — это не только темнота, но и холод. Температура падает стремительно, легкий пар вырывается при вздохе. Жутко холодно, ведь чакру использовать нельзя до последнего, это выдаст их врагам. Им только и остается плотнее кутаться в маскировочные плащи, бесшумно скользя к ожившему лагерю кочевников. Чужой отряд не так уж велик, но все равно превосходит их раза в три-четыре. Однако отступить или промедлить, дожидаясь подкрепления, значит открыть путь на свою территорию, показывая слабость. Учиха претила сама мысль о подобном.

Пять двоек расходятся, огибая по широкой дуге оживший лагерь. На плече старшего в паре, удобно устроились небольшие неко, которые ведут каждого на нужную позицию. Его с наставницей в том числе. Единственное, что удивляет, так это отсутствие Менгиросана. Тот скрывается во тьме одним из первых. Странно, непонятно, но Кагами привык доверять наставнице, поэтому просто внимательно смотрит по сторонам и запоминает. Позже, у него могут спросить анализ всего произошедшего, и ему не хочется ударить лицом в грязь. Он докажет, что зря наставница желает отослать его назад в поселение Клана или оставить в одном из укрепленных постов в глубине территорий Клана. Он уже достаточно силен, чтобы не отсиживаться за спинами других.

Из складок плаща Сумико-сама появляется флейта, только после этого он начинает понимать почему наставница выбрала позицию именно на этом бархане, среди сотен других.

Ветер. Едва уловимый, но он все же тут был. Мелодия легко вплеталась в его порывы. Тихо, практически беззвучно, звучала музыка. В лагере кочевников она и вовсе не могла быть слышна, но это не значит, что она не действовала.

— Пора, — голос Сумико-сама четко звучит в голове, хотя сама она не отрывает флейту от губ. Только сейчас до Кагами доходит, что не только дети пустыни под действием гендзюцу наставницы, но и каждый Учиха. Замечает испарину на лбу, побледневшее лицо и встречает спокойный взгляд. Она больше ничего не говорила, но было понятно без слов. Приказ относился и к нему, защитой наставницы займутся выросшие по бокам каракалы и он.

Наставница вновь его перехитрила. Не дала оказаться в гуще схватки, оставляя лишь наблюдателем. Кагами это понимал отчетливо, ведь он не мог оставить Сумико-сама только на неко. Те сильны, но есть вещи, с которыми справится лишь человек.

Шаринган активируется сам собой, пусть и на таком расстоянии, но он все же сможет кое-что разглядеть. Увидеть не просто мечущиеся тени или всполохи огня, а техники. Возможно, даже запомнить какие-нибудь из них. Выбор-то невелик.

Сумико-сама перестает играть только тогда, когда становится понятно, что лагерь захвачен. Учиха повезло, внезапность нападения и мастерская иллюзия прикрывающей их девушки сделали свое дело. Они еще в самом начале смогли уничтожить большую часть песчаников. Свою лепту внесли и мелкие призывные животные, что сновали у детей пустыни под ногами или даже атаковали сверху. Собаку просто не успели воззвать к духу пустыни и создать бурю. Впрочем, сопротивлялись они все равно отчаянно, без потерь не обошлось.

Кагами тенью следует за наставницей, смотря, как она сканирует чужие повреждения. В основном это стесанная кожа, на которую она даже не тратит время, пару режущих ран, но самое страшное это раздробленные конечности. Нескольким соклановцам банально не повезло. Среди чужого отряда все же оказался носитель улучшенного генома. Слишком медленный, чтобы суметь сделать что-то без поддержки, но даже так. Последним усилием он достал своих убийц, дробя им кости.

— Ранение слишком серьезные, в полевых условиях, вас не вылечить, — голос Сумико-сама крайне недовольный. — Я зафиксирую ваши сломанные конечности, придется вам прогуляться на носилках. Двигаться самим — запрещаю.

— Есть, — коротко и четко, только поджатые губы и затаенный страх в глазах, выдают тревогу шиноби.

— Восстановление займет много времени, но чакроканалы не пострадали, все остальное излечимо, — улыбка наставницы моментально возвращает надежду раненым, они уже без обреченности смотрят, как она создает из подручных средств лубки. Впрочем, Сумико-сама и про остальной отряд не забывает. — Двое на дозор, остальные поторопитесь обследовать лагерь.

Смазанные тени тут же расходятся в разные направления, с профессиональным интересом исследуя стоянку и валяющиеся вокруг трупы. Кто-то мог назвать это мародерством, но такова жизнь. Мертвым ценности не потребуются, живым — пригодятся. Впрочем, кочевники всегда были бедны и наживы с них было мало. Лишь изредка попадались те, кто носил крупные золотые украшения, но такое везенье было редкостью. В большинстве своем, они даже оружие нормальное не имели, предпочитая сражаться при помощи чакры.

Крайне невыгодные противники, если забыть о полученном в сражениях с ними опыте. Уж это-то Кагами не мог не признать. Он пробыл тут всего ничего, меньше двух недель, но многие его навыки стали лучше. Особенно иллюзии и дзюцу огня. Только ему было этого мало. Наставница все еще не признала в нем сильного бойца, часто оставляя рядом с собой, не давая сражаться.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/54344/1381732>